ВОРОЖЕЯ.

Не даромъ говорится, что на ворѣ шапка горитъ. Ты войди въ бесѣду, поклонись чинно на всѣ четыре стороны и молви: здравствуйте кумушки честныя, здорово гулливыя! Честная–то промолчитъ, а гулливая скажется: забранится.

Былъ, сказываютъ, знахарь, который взялся розыскать, кто укралъ цѣлковый; собравъ всю артель въ избу, онъ погасилъ огонь, накрылъ чернаго пѣтуха рѣшетомъ и велѣлъ всѣмъ поочередно подходить и погладивъ пѣтуха осторожно по спинѣ, опять его накрыть; а какъ только воръ тронетъ его, то онъ–де закричитъ во весь голосъ.

Всѣ ли подходили? Всѣ. И всѣ гладили пѣтуха? Всѣ. А пѣтухъ и не думалъ кричать? Нѣтъ, сказалъ знахарь, тутъ что нибудь да не такъ; подайте–ка огня, да покажите руки, всѣ разомъ! Глядь–анъ у всѣхъ по одной рукѣ въ сажѣ, потому что знахарь чернаго пѣтуха вымазалъ сажей — а у одного молодца обѣ руки чисты!

Вотъ онъ воръ, закричалъ знахарь, схвативъ бѣлоручку за–воротъ: у кого совѣсть чиста, у того руки въ сажѣ!

Расказываютъ также, что землемѣръ гдѣ–то пошелъ въ знахари, когда надо было въ деревнѣ вора найти, и также не ошибся: зная его по розыскамъ напередъ, хотя прямыхъ уликъ не было, а онъ крѣпко запирался, землемѣръ всѣхъ поставилъ въ кружокъ, вокругъ закрытаго компаса, и объявилъ напередъ, что у него есть такая стрѣлка, которая прямо укажетъ вора. Открывъ компасъ и разогнавъ стрѣлку, чтобъ покружилась, землемѣръ пустилъ ее на волю: она и уставилась прямо на Карпа, потому что Карпа, какъ отъявленнаго вора, поставили на сѣверъ. Всѣ закричали; постойте, сказалъ землемѣръ, чтобы намъ не взять грѣха на душу, не наклепать напраслины: до трехъ разъ отводили стрѣлку — до трехъ разъ она все опять становилась концемъ противъ Карпушки; ну, коли такъ, сказалъ землемѣръ, такъ нечего дѣлать; берите да вяжите его: онъ воръ.

Карпушка видитъ дѣло плохо — бухъ въ ноги, да и повинился.

А бываетъ отъ ворожей и знахарей еще и не то: вотъ послушайте.

Жилъ былъ у лекаря денщикъ Андрей: парень смирный, и хоть простоватъ и больно нерасторопенъ, да не пьющій, и прожилъ онъ на одномъ мѣстѣ годовъ шесть. Разъ, передъ пасхой, въ людской лекаря поднялся большой содомъ: сутки двои кричали, бранились, спорили — и кончилось тѣмъ, что кучеръ пришелъ къ барину въ отчаянномъ расположенiи и началъ рѣчь свою, какъ водится, словами: «власть ваша» — а кончилъ тѣмъ, что отъ Андрея–де житья нѣтъ въ домѣ и что Андрей укралъ у него, у кучера, 25 рублей.

Лекарь этому очень удивился; никогда онъ такого дѣла отъ Андрея нечаялъ; но распросивъ кучера, самого Андрея и стороннихъ людей, не могъ розыскать ничего и не могъ обвинить Андрея; кучеръ говорилъ только, что больше никому, что никого больше небыло тамъ, и потому деньги укралъ Андрей. Лекарь отказалъ

кучеру въ бездоказательномъ обвиненiи его, и думалъ, что дѣло тѣмъ кончится; — но тотъ пришелъ на другой и на третiй день и черезъ два дня опять, покуда его не выгнали, сказавъ, чтобы онъ болѣе не надоѣдалъ.

Кучеръ ушелъ, молчалъ съ недѣлю, лекарь думалъ что все дѣло давно забыто — но тотъ видно не могъ заспать своего горя и посовѣтовавшись съ людьми опять пришелъ къ барину: прикажите Андрею итти со мною къ ворожеѣ, она всю правду сыщетъ. Коли онъ правъ, то не побоится; а коли не пойдетъ, такъ воля ваша, прикажите ему заплатить.

Чтобы отвязаться отъ докуки и кончить дѣло, лекарь отвѣчалъ: хорошо, идите. У кучера будто гора съ плечъ: онъ такъ вѣрилъ въ ворожею, что думалъ непремѣнно воротить свои деньги.

Дѣло было въ Питерѣ; лекарь жилъ на Выборгской сторонѣ, у Морскаго Госпиталя; а ворожея, которую провѣдалъ кучеръ, жила за Московскою заставой: это будетъ верстъ восемь, коли не десять; а

чтобы застать ворожею, надо было притти рано.

Кучеръ готовился ровно на праздникъ: онъ заставилъ Андрея помолиться съ вечера, разбудилъ его чуть свѣтъ и на тощакъ потащилъ съ собою къ ворожеѣ. Она, по слухамъ, была старуха причудливая, сердитая, принимала гостей не во всякую пору и только по выбору, — но ужъ за то всегда говорила одну только правду; а коли и случалось что соврать, такъ этимъ, надо думать, никто не хвалился. Есть пословица: Бабушка, давноль ты стала ворожить? А какъ нечего стало на–зубъ положить!...

Андрей не обинуясь собрался и пошелъ. По мнѣ, говоритъ, пожалуй, куда хочешь; я ничего не боюсь. Не ѣла душа чесноку — не воняетъ.

Шли, шли, часа два — кучеръ знай торопится, да погоняетъ Андрея — наконецъ дошли. Погоди вотъ тутъ за воротами, сказалъ кучеръ своему невольному товарищу, надо доложиться. Вскорѣ кучеръ вышелъ и сказалъ что велѣно обождать.

Они оба присѣли за воротами и бесѣдовали ладкомъ, будто ни въ чемъ не бывало. Прошло съ полчасика и кучеръ сказалъ: сходить–ка опять, да поспросить — чай пора, вишь, солнышко показываетъ ужъ не совсѣмъ рано.

Пошедши въ домъ, кучеръ что–то позамѣшкался тамъ, видно не смѣло просился, либо не сразу допустили. Но вотъ онъ выходитъ и зоветъ Андрея: нѣтъ отклику. Онъ выбѣжалъ за вороты, оглянулся въ обѣ стороны, покричалъ еще раза два: Андрей! — Андрея нѣтъ. Что за нелегкая, подумалъ онъ; куда его теперь унесло? — прошелся по двору, и опять по улицѣ, и за угломъ, и за другимъ, и на сосѣднiе дворы поглядѣлъ — нѣтъ Андрея; пропалъ словно провалился.

Вотъ подлая–то душа, сказалъ кучеръ вслухъ, воровская совѣсть! Яжъ ему дамъ теперь; и ужъ теперь, власть барина, а заставь онъ мошенника заплатить мнѣ деньги, всѣ сполна. Попался!

Приходитъ кучеръ домой и кричитъ Андрей! — ему говорятъ: вѣдь чай съ тобой

вмѣстѣ ушелъ! — Да нешто онъ не приходилъ? — Нѣтъ, не приходилъ.

Кучеръ почесалъ затылокъ, да чешетъ его чуть ли не понынѣ. Андрей и о сю пору еще домой не приходилъ, а пропалъ безъ вѣсти.

Вотъ что надѣлала ворожея!